

Лексическая типология в ошибках изучающих русский как иностранный: анализ глагола *падать* в текстах инофонов*

А. С. Выренкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва; avyrenkova@hse.ru

Аннотация. В работе исследуются факторы, влияющие на употребление глагола *падать* в русском языке. Нетривиальность задачи в том, что этот глагол является доминантным в системе русских предикатов падения — а значит, должен быть пригоден для описания любого типа неконтролируемого нисходящего движения. Однако существуют отдельные контексты, требующие другого средства выражения, и обнаружить их непросто, поскольку они являются периферийными для семантического поля падения. В качестве инструмента, который позволяет найти такие контексты, в предложенном исследовании используется Русский учебный корпус, составленный из текстов инофонов. Анализ найденных в корпусе нарушений, связанных с употреблением глаголов падения, дает возможность уточнить некоторые принципы внутреннего семантического устройства доминантного глагола *падать*, которые не дают ему возможность конкурировать с более периферийными лексемами в определенных контекстах. Тем самым определяются особенные контексты, которые важны с типологической точки зрения для изучения доминантных систем других языков. Сравнение доминантного *падать* с квазисинонимами показывает и то, что доминантность является подвижной характеристикой системы, подверженной изменениям в ходе исторического развития языка.

Ключевые слова: учебный корпус, интерференция, лексическая типология, предикаты падения.

Lexical typology through learner corpora: semantic domain of falling

А. С. Vyrenkova

National Research University Higher School of Economics, Moscow;
avyrenkova@hse.ru

---

* Исследование поддержано грантом РФФИ №20-012-00240.

Abstract. This paper investigates the use of the Russian verb *padat'* ‘to fall’ and its quasi-synonyms. *Padat'* is dominant in the system of Russian predicates of falling — and therefore should be suitable for describing any type of uncontrolled downward motion. However, in a number of contexts a different means of expression is required. These contexts are not easily detected because they normally render the meanings which are peripheral in the semantic domain of falling. In this study, we attempt to find such contexts with the help of the Russian Learner Corpus, which contains texts produced by heritage speakers and learners of Russian with various dominant languages. The corpus enables search by error tags and gives valuable data for the analysis of learners’ interlanguage. Lexical and grammatical violations found in the free production of foreign learners of Russian are used to uncover cases where the dominant verb *padat'* ‘to fall’ yields to its quasi-synonymous counterparts. In this paper we are aiming at detecting specific limitations in the distribution of the dominant lexeme and, based on the data coming from the Russian Learner Corpus (for this study examples from learners dominant in English and Korean are taken), we focus on the initial point of the falling motion, precipitation subframe and aspectual characteristics of the dominant verb *upast'* and its quasi-synonym *vypast'*. The latter issue is investigated through the scope effect that the verbs of falling demonstrate in combination with the Russian proximative adverb *počti* ‘almost’. For each case we give a possible explanation of the learner’s error and make an attempt to establish the rules of standard Russian that make the use of the dominant lexeme unacceptable. The results of the study significantly contribute to typological analysis of dominant systems across languages and have implications for synchronic and diachronic studies of domain lexemes.

Keywords: learner corpus, interference, lexical typology, verbs of falling.

1. Введение

1.1. Вступительные замечания

В отличие от других статей этого сборника, предлагаемая работа использует в качестве материала не стандартные данные носителей того или иного языка (будь то корпусы или ответы на стимулы анкеты), а речь нестандартных носителей, для которых язык, на котором они изъясняются, не является основным. Мы обратились к так называемым учебным корпусам — коллекциям текстов, порожденных людьми, изучающими некоторый язык как иностранный. Изначально эти ресурсы создавались для преподавателей иностранного языка и исследователей в области SLA (Second Language Acquisition — усвоение второго

языка) [Granger 2017]. Современные учебные словари и пособия все чаще учитывают статистические данные, доступ к которым обеспечивают именно учебные корпуса¹, поскольку представительные массивы устных и письменных текстов, собранных у студентов, изучающих второй и последующие иностранные языки, значительно обогащают наши знания об интеръязыке [Selinker 1972] и дают возможность подробно исследовать принципы, по которым происходит его развитие.

Однако учебные корпуса могут заинтересовать не только педагогов и лингвистов, изучающих речь иностранных говорящих. Многие нестандартные конструкции, появляющиеся в интеръязыке учащегося, хорошо иллюстрируют структурные различия между родным и изучаемым языками, а значит, могут быть полезны для их сопоставительного анализа и интересны для типологов.

Актуальность типологических исследований для SLA была отмечена еще в 60-х годах прошлого столетия. На сопоставлении языков основывалась известная теория контрастивного анализа [Lado 1957; Ellis 1994], которая предполагала, что наиболее проблемными для изучения оказываются языковые феномены, устроенные по-разному в родном и иностранном языках. Но если целью контрастивного анализа было объяснение и предсказание сложностей в процессе овладения иностранным языком, то мы скорее идем в обратном направлении: опираясь на найденные в корпусе ошибки, мы пытаемся зафиксировать некоторые типологически релевантные различия языковых систем. В настоящей работе мы покажем, как данные учебного корпуса были использованы для уточнения результатов лексико-типологического исследования предикатов падения в русском языке.

1.2. Система глаголов падения в русском языке

Предикаты падения образуют в русском языке доминантную систему. Это значит, что все значения лексического поля покрываются одной единицей, а выбор средства выражения коммуникативного намерения учащегося, таким образом, должен ограничиваться единственным вариантом. В этом случае естественно предположить, что, освоив этот вариант, инофоны не будут допускать ошибок. Однако в реальности

---

¹ Среди наиболее авторитетных примеров Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2007), Cambridge Advanced Learner's Dictionary (2013) и др.

оказывается, что это не так. Даже если в языке есть доминантная лексема, которая, как кажется, должна значительно упрощать выбор иностранному говорящему, ее употребление далеко не всегда можно признать правильным. Доминантная лексема часто конкурирует с одной или несколькими квазисинонимичными лексемами или даже конструкциями, а правила, которые регламентируют их распределение, достаточно сложно описать. В то же время эти правила очень важны для типолога, потому что именно они дают возможность детально описать структуру поля и взаимоотношения между доминантной и квазисинонимичными лексемами.

1.3. Глаголы падения в Русском учебном корпусе

Представленный ниже анализ основан на материале Русского учебного корпуса², который охватывает письменную и устную продукцию студентов, изучающих русский как иностранный.

Поиск глаголов падения мы проводили по всему корпусу, вне зависимости от доминантного языка студента и уровня владения русским языком. Всего было найдено 189 контекстов, из которых 62 демонстрируют нарушения тех или иных правил русского языка. Примерно половина из них (33 контекста) не затрагивает параметров, релевантных для наших задач. В предложении (1), например, нарушены порядок слов и управление, однако эти ошибки не имеют непосредственного отношения к параметрам, которые влияют на выражение тех или иных ситуаций падения.

(1) *РКИ, доминантный французский
Волк говорит фразу вслух и снег **падает** на ему голове.*

Оставшиеся же 29 контекстов представляют для нас значительный интерес, поскольку они влияют на лексический выбор самого глагола или затрагивают сочетаемостные ограничения, связанные с его семантикой. Обнаруженные в них нарушения связаны с выражением начальной / конечной точки падения (12 контекстов), сочетаемостью глагола *упасть* с проксимативным наречием *почти* (4 контекста), а также употреблением глагола падения для описания ситуации выпадения осадков (13 контекстов).

² Подробнее о корпусе: <http://web-corpora.net/RLC/>; по данным на 12.07.2019.

В предлагаемой статье мы подробно рассмотрим два примера, которые, как нам кажется, наиболее ярко иллюстрируют корпусный материал и дают основания для выявления некоторых закономерностей употребления глаголов падения в стандартном русском языке. Мы продемонстрируем некоторые тенденции диахронического изменения системы русских глаголов падения (*Раздел 2*), а также обозначим дополнительные параметры, влияющие на их сочетаемостные ограничения и дистрибуцию (*Разделы 3 и 4*).

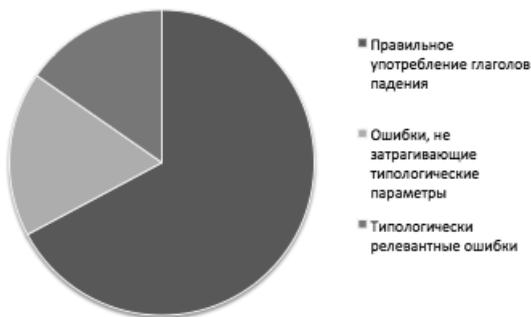

Рис. 1. Глаголы падения в Русском учебном корпусе

Fig. 1. Verbs of falling in RLC

2. Эволюция доминантной системы русского языка: исходная точка падения

Как показывают типологические данные, один из важных параметров, влияющих на выбор глагола, — исходная точка падения. В этой части статьи мы обсудим ситуацию, когда исходной точкой является контейнер. Специальные глаголы, закрепленные за этой ситуацией, можно найти не только в русском, но и в других славянских языках (ср., например, *izpasti* *iz košare* ‘выпасть из корзины’ в словенском).

Если в языке представлена доминантная система, выпадение из контейнера может кодироваться общим глаголом, покрывающим все остальные ситуации падения, и одновременно выражаться отдельной лексемой.

Так устроена и система русского языка, где есть глагол *падать*, подходящий, на первый взгляд, для описания всего поля, а также глагол

с более узкой семантикой *выпасть*, закрепленный исключительно за падением из вместилища. О том, позволяет ли конкуренция между этими глаголами однозначно говорить о доминантности системы русского языка, мы поговорим далее, опираясь на речь инофонов.

В учебном корпусе мы обнаружили следующий пример:

(2) *РКИ, доминантный английский*
*...Одна из моих одноклассников решила бить его [друга] и он
 почти ???/* упал из окна (на третьем этаже!)*

В данном случае источник падения выражен при глаголе с помощью существительного, отсылающего к контейнеру метонимически (*окно*). Согласно интуиции разметчика, который заметил в этой фразе неправильный лексический выбор, более грамматично было бы употребить здесь глагол с более узкой семантикой *выпал*.

Национальный корпус русского языка подтверждает интуицию разметчика. Первичный поиск обнаруживает как фразы с глаголом *выпасть*, так и с глаголом *упасть*, ср. примеры (3а) и (3б):

(3а) *Гетера расхочаталась так, что чуть не упала из окна.*
 [В. М. Дорошевич. Сказки и легенды (1893–1916)]

(3б) *В ее отсутствие двухлетний сын ее Николай выпал из окна.*
И не только остался жив, но получил совершенно незначительные ушибы. [неизвестный. Вести (1909.05.16) // «Голос Москвы», 1909]³

На первый взгляд, эти примеры доказывают, что в русском при обозначении ситуаций выпадения из вместилища могут использоваться оба глагола, однако можно заметить важный нюанс: оба предложения датируются началом двадцатого века. Дальнейший анализ каждой из лексем с помощью НКРЯ показывает, что с конца XIX века в контекстах типа ‘глагол падения + из + окно’ глагол *упасть* постепенно становится менее предпочтительным и уступает свое место глаголу *выпасть* (см. Рис. 2 и 3).

Эта тенденция характерна и для других контекстов подобного типа. Расширение поискового запроса и исключение из него слова *окно* (с ограничением поиска любым существительным) на результаты

³ Здесь и далее русские примеры, кроме примеров, иллюстрирующих речь инофонов, взяты из Национального корпуса русского языка.

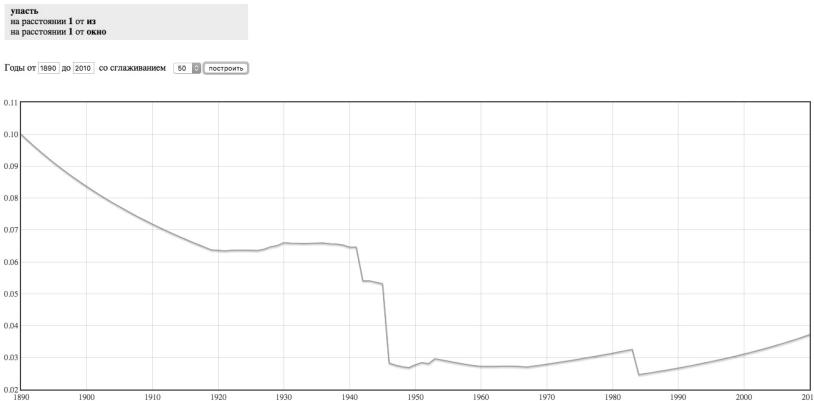

Рис. 2. Частотность употребления глагола *упасть* в конструкции «предикат падения + из + окно» с 1800 по 2010 гг. по данным НКРЯ

Fig. 2. Use of verb *upast* ‘fall’ (frequencies in Russian National Corpus from 1800 to 2010)

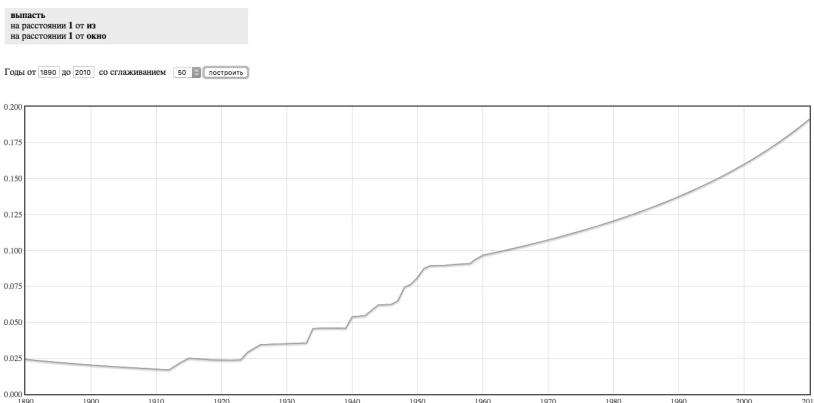

Рис. 3. Частотность употребления глагола *выпасть* в конструкции «предикат падения + из + окно» с 1800 по 2010 гг. по данным НКРЯ

Fig. 3. Use of verb *vypast* ‘fall out’ (frequencies in Russian National Corpus from 1800 to 2010)

не влияют. Анализ конструкций, состоящих из трех лексем, показывает, что во фразах типа «*выпасть + из + существительное*» присутствует гораздо больше объектов, обозначающих вместилище (*руки, тележка, карман машины* и др.), чем в аналогичных фразах с глаголом *упасть*.

Последний, по данным корпуса, допускает в этих условиях лишь существительные *окно*, *руки* и *гнездо*. В диахронии наблюдается та же тенденция: глагол *выпасть* становится более предпочтительным и постепенно вытесняет *упасть*.

Эти результаты показывают, что, несмотря на то, что при описании ситуаций, где источником падения является объект-вместилище, русский язык все еще позволяет использование доминантной лексемы, предпочтение квазисинонимичного глагола постепенно становится все более явным.

3. Сочетаемостные ограничения, вызванные аспектуальными особенностями глагола

В этом разделе мы снова рассмотрим пример (2), но уже под другим углом зрения. Дело в том, что в исходном предложении употреблено наречие *почти*, которое существенно затрудняет задачу коррекции всей фразы в целом.

(4) *РКИ, доминантный английский*
...Одна из моих одноклассников решила быть его [друга]
и он ???/*почти упал из окна (на третом этаже!)

Действительно, даже если мы употребим вместо глагола *упасть* глагол *выпасть*, предложение нельзя будет признать полностью приемлемым с точки зрения стандартного русского языка. Причина в наречии *почти*, которое, кажется, не вполне подходит для выражения идеи автора.

В нашем случае речь идет о ситуации, когда результат так и не был достигнут, несмотря на то, что для этого сложились все необходимые предпосылки. Такого рода значения относятся к особой семантико-грамматической зоне, тесно связанной с аспектуальной структурой предиката. Чаще всего ее описывают как проспективную [Comrie 1985] или проксимативную [König 1993; Heine 1994], в [Плунгян 2001; Плунгян 2011] этот кластер значений назван антирезультативным, другой термин — авертив — был предложен в [Kuteva 1998]. Два последних термина кажутся нам наиболее подходящими для анализа примера (4), поскольку они непосредственно указывают на отмену результативной фазы. Кутева разграничивает проксимативные и авертивные значения,

говоря о том, что последние могут реализовываться только в прошедшем времени, выделяют контрафактивный компонент и указывают на отмену результата, в то время как проксимативы маркируют, скорее, неизбежность (*imminence*) приближающейся ситуации.

В русском языке выразить это противопоставление позволяет пара *почти / чуть не*, и именно со спецификой употребления этих наречий связана некоторая аномальность (4). Действительно, замена *почти* на *чуть не* кажется в этом примере предпочтительной:

(5) ...*И он чуть не выпал из окна.*

Различие в семантике глагольных конструкций с наречиями *почти* и *чуть не* в русском языке, кажется, если и не полностью совпадает, то очень близко противопоставлению проксиматива и авертива в понимании Кутевой. Действительно, *чуть не* в русском языке не сочетается с предикатами в непрошедшем времени (ср. *чуть не заснул* — * *чуть не засыпает*)⁴ и при сопоставлении с конструкциями, в состав которых входит *почти*, демонстрируют явную контрафактивную семантику:

(6а) *Он уже почти заснул, когда на соседней кирхе пробило десять.*
[Н. Н. Шпанов. Старая тетрадь (1935–1950)]⁵

(6б) *Просидеть пришлось около получаса, и я чуть не заснул.* [Виктор Конецкий. Начало конца комедии (1978)]

В (6б) подразумевается, что субъекту удалось избежать некоторого (в данном случае нежелательного) результата, и это прочтение дает возможность усмотреть в его значении авертивный, а не проксимативный компонент⁶.

Если обратиться к НКРЯ, оказывается, что сочетания *почти + упасть* встречаются в стандартном русском языке в двух случаях. В первом они действительно могут быть проинтерпретированы как

⁴ По данным Национального корпуса русского языка, исключение составляют только конструкции с глаголом плакать (ср. смотри, он чуть не плачет), которые, по-видимому, являются уже сильно лексикализованными.

⁵ Здесь и далее примеры, иллюстрирующие стандартный русский язык, взяты из Национального корпуса русского языка.

⁶ Об отсутствии авертивного значения у наречия *почти* см. также [Баранов и др. 1993]

авертивы, однако эта интерпретация должна быть подкреплена контекстом:

(7) *Мне показалось, что я раскололся от боли, кровь стекала по лицу и за шиворот...*

Я почти упал, но удержался... [Венедикт Ерофеев. Москва — Петушки (1970)]

Без дополнительного поверхностного указания на альтернативное разрешение ситуации («но удержался») в примере (7) более приемлемым будет употребление *чуть не*. Эта особенность подтверждает, что в семантику слова *почти* входит только проксимативный компонент, в то время как авертивное значение является импликативным.

То же самое противопоставление в английском языке устроено несколько иначе. Наречие *almost* может быть переведено на русский язык и как *почти*, и как *чуть не*. Таким образом, оно может вести себя и как авертивный, и как проксимативный показатель (см. также [Плунгян 2001: 53], [Ziegeler 2000; 2010]), что естественным образом приводит к нарушению в (4).

Справедливо может показаться, что наши рассуждения в основном характеризуют наречие *почти* и не имеют непосредственного отношения к предикатам падения. Однако это не совсем так. Если обратиться ко второй группе употреблений *почти + упасть*, найденных в НКРЯ, можно заметить, что их значение несколько отличается от (4) и (5) и связано уже не с семантикой наречия, а с особенностями предиката:

(8) *Он отошел от окна и **почти упал** на диван. Бессильное утомление охватило его. [Б. В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918)]*

В (8) речь идет не о том, что удалось избежать наиболее вероятного развития событий, а о том, что субъект совершил некоторое действие, по своим свойствам — например, резкости и быстроте — очень напоминающее *упасть*. Заметим, что такое значение невозможно для коррелята *упасть* в ситуации падения из контейнера — *выпасть*, хотя оба эти глагола описывают одно и то же и оба являются моментальными. Это обстоятельство требует объяснения. Мы считаем, что дело здесь в том, что эти глаголы, будучи квазисинонимами, тем не менее по-разному представляют структуру ситуации и поэтому по-разному взаимодействуют с фазовыми наречиями типа *почти*.

Известно, что наиболее полно аспектуальная структура реализуется в глаголах, обозначающих предельные процессы. В их семантической структуре представлены все фазы развития ситуации: подготовительная, начальная, срединная, финальная и результативная [Плунгян 2011]. У обычного процесса, ввиду большей важности результата по сравнению с другими фазами, в сферу действия *почти* попадают финал и результат, ср. *он почти наелся / почти проснулся / почти закончил* и проч. В терминологии Е. В. Падучевой, это «действия с акцентом на результате» [Падучева 1996]). Однако в глаголе *выпасть* в сферу действия проксимативного *почти* попадает не конец, а начало ситуации, то есть подготовка к собственно падению, ср. (9):

(9) *Но рывки и тряска привели к тому, что этот розовый чемодан, ниже **почти выпал** на дорогу.* [Л. Петрушевская. Странствия по поводу смерти (2017)]

Это поведение глагола *выпасть* является неожиданным по двум причинам. Во-первых, по той причине, которая уже указана: все глаголы падения являются моментальными [Булыгина 1982; 1983] и в принципе, не должны сочетаться с фазовыми наречиями, потому что у них нет фаз. В частности, поэтому глагол *упасть* не дает фазовой интерпретации в контексте *почти*. Вторая странность в том, что глаголы с приставкой *вы-* способны профилировать и начальную, и конечную точку движения (*вышел из комнаты / вышел в сад* — так что диагностический вопрос *когда вышел?* может относиться к контекстам и первого, и ко второго типа). Однако (9) и другие примеры показывают, что *почти* исключает результативную ориентацию. В этом предложении имеется в виду, что чемодан лежит так неудачно, что вот-вот упадет вниз, а не то, что он уже упал. *Почти* как бы «растягивает» ситуацию моментального падения, однако, если так можно сказать, только в одну сторону. Эту способность *почти* проявляет именно в контакте с *выпасть* — если бы нам встретился пример *почти вылил(ся)*, мы проинтерпретировали бы его более стандартно, с акцентом на результат.

Как бы необычно ни вел себя глагол *выпасть*, его поведение подчеркивает особенность *упасть*, который, с одной стороны, как и другие моментальные предикаты, совсем лишен фазовой интерпретации в контексте *почти* (*почти вздрогнул, *почти чихнул, *почти копнул, ??*почти разбил чашку*), то есть не имеет никакой возможности «растягиваться», а с другой — в допустимой интерпретации типа (8) отсылает к свойствам своей срединной фазы. В этом смысле он, будучи

моментальным, ведет себя точно так же, как многие непредельные процессы, ср. *он почти бежал*, ср. однако ?? *почти горел* / ?? *почти лежал* / ?? *почти пел* и др.

Как видим, неэквивалентность аспектуального устройства доминантного *упасть* своим квазисинонимам приводит инофонов к неправильному выбору, их ошибки обнаруживают еще один семантический аспект зоны падения, который может оказаться типологически интересен.

4. Сочетаемостные ограничения, основанные на дистрибуции лексем в квазисинонимичных конструкциях

Нарушение, о котором пойдет речь далее, связано с типом падающего объекта. Мы говорим о случаях, когда объектом падения являются осадки. Конструкции, описывающие осадки, традиционно являются трудными для грамматического анализа [Talmy 1974, Rizzi 1990; Pesetsky 1995; Levin, Krejci 2019], однако с точки зрения лексического выбора они, как кажется, не должны представлять сложность для изучающих иностранный язык, если в них можно использовать глагол падения и в изучаемом языке эта зона представлена доминантной системой.

В русском языке доминантный глагол *падать* допустим для обозначения снега, поэтому логично предположить, что студенты, изучающие русский как иностранный, не будут допускать ошибок при описании этой ситуации. Однако данные Учебного корпуса эту гипотезу не подтверждают. Так, в примере (10) показано нарушение, допущенное иностранным говорящим с доминантным корейским языком:

(10) *РКИ, доминантный корейский*
Этой зимой очень тепло. ***Редко падает снег.**

И русский, и корейский позволяют в подобных конструкциях две стратегии — употребление легкого глагола (кор. *ota* ‘приходить’, рус. *идти*), а также глагола с значением свободного перемещения сверху вниз (кор. *naylita*, рус. *падать, выпадать*), см. [Eriksen et al. 2012]:

(11a) *Nwun-i o-nta.*
Снег-NOM приходить-DECL
'Снег идет (букв. приходит)'.

(116) *Nwun-i nayli-n̩ta.*
 Снег-NOM спускаться-DECL
 ‘Снег падает’.

(12a) *Идем* снег.

(12b) *С неба падал* снег.

Однако выбор между этими двумя глаголами не является произвольным.

В русском языке употребление вместо десемантизированного предиката движения *идти* полнозначного глагола падения подразумевает, что ситуация актуально разворачивается во времени:

(13a) *Пело радио. Красиво падал* снег. [Асар Эппель. Чреватая идея // «Знамя», 2002]

(13b) *Тихо падает* снег. *Где-то далеко-далеко играла и затихла шарманка.* [Ольга Онайко. Некромантисса (2014)]

(13в) ... *глядя сквозь медленно падающий* снег, — за мной шла Клэр. [Г. А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930)]

Как показывают примеры в (13), глагол *падать* свободно сочетается с наречиями *красиво*, *тихо* и *медленно*, описывающими наблюдаемые свойства ситуации. В то же время в такого рода конструкциях невозможно употребление его видового коррелята СВ (нельзя сказать **снег / дождь упал*)⁷, а также фреквентативных наречий, характерных для хабитуального значения несовершенного вида:

(14) **В этих местах снег обычно падает по утрам.*

Таким образом, глагол *падать* в конструкциях, описывающих падение снега, дает исключительно актуально-длительную интерпретацию со встроенным наблюдателем, которому доступны перцептивные — зрительные или слуховые — характеристики ситуации. Это отличает его от легкого глагола *идти*, который позволяет и актуально-длительное, и хабитуальное прочтение таких конструкций:

⁷ Здесь мы не имеем в виду фразы типа *снег упал ему на голову*, где речь идет не о выпадении осадков, а о ситуации, когда снег воспринимается как обычный падающий объект.

(15a) *Холод, **идет** снег. К эшелону присоединили 3 вагона третьего и четвертого классов...* [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)]

(15b) *Утром **прошел** мокрый снег, сейчас он уже растаял...* [Ю. В. Трифонов. Время и место (1980)]

Противопоставление актуально-длительной и хабитуальной интерпретации существенно и для корейских глаголов *ota* ‘приходить’ и *naylita* ‘перемещаться вниз, падать’, однако проявляется оно по-другому. Если в русском языке единственная (актуально-длительная) трактовка задана для глагола падения, то в корейском единственное прочтение закреплено за десемантизированным глаголом *ota* ‘приходить’, и оно хабитуальное. Это ограничение подтверждается запретом на сочетаемость *ota* ‘приходить’ с перцептивными наречиями, которые характерны для актуально-длительных контекстов:

(16a) *Joyonghi nwun-i o-nta*
тихо снег-NOM приходить-DECL
'Тихо идет (букв. приходит) снег'

(16b) *Kunyang joyonghi nwun-i nayli-nun*
просто тихо снег-NOM спускаться-PTCP.PRS
nal-ul johaha-nta.
день-ACC нравиться-DECL
'[Мне] нравятся дни, когда просто тихо падает снег'⁸.

Глагол *naylita* ‘перемещаться вниз, падать’, напротив, позволяет обе интерпретации и может сочетаться и с перцептивными, и с фреквентативными наречиями.

В (10) автор учебного текста имеет выбор между глаголом движения со стертой семантикой и полнозначным глаголом падения. Эту возможность предоставляют и русский, и корейский языки. Однако под влиянием интерференции учащийся использует русский глагол падения для обозначения повторяющейся ситуации и не учитывает, что, в отличие от родного ему корейского, в русском этот глагол предполагает только актуально-длительное прочтение.

⁸ Примеры предоставлены автору информантами — носителями корейского языка.

5. Заключение

В результате анализа сочетаемостных нарушений, затрагивающих предикаты со значением падения, нам удалось выявить некоторые интересные особенности устройства доминантного поля падения в русском языке.

В частности, на примере пары глаголов *упасть* — *выпасть* было замечено, что доминантность системы русского языка не абсолютна и нестабильна с диахронической точки зрения. Ситуации выпадения из контейнера на данный момент требуют скорее употребления недоминантной лексемы, а это, судя по данным Национального корпуса русского языка, было нехарактерно для стандартного языка начала XX века.

Ошибки, затрагивающие сочетаемость доминантного глагола падения в русском с наречиями разных типов, обнаруживают интересные особенности его аспектуального устройства.

При сравнении способов лексикализации ситуации падения снега в русском и корейском языках, которые на первый взгляд кажутся идентичными (допускают использование как легкого глагола, так и глагола падения), обнаруживается, что употребление русского *падать* влечет за собой исключительно актуально-длительную интерпретацию. Корейский глагол *naylita* ‘перемещаться вниз, падать’ этим свойством не обладает. Это различие приводит к несовпадению сочетаемостных правил для этих глаголов.

И, наконец, с помощью нестандартного материала были обнаружены нетривиальные аспектуальные свойства доминантного глагола *упасть*, отличающие его от других русских результативов с семантикой падения.

Несмотря на то, что представленный в статье материал ограничен, он успешно демонстрирует потенциал учебных корпусов для уточнения результатов типологического исследования и поиска тонких правил, особенно важных для объяснения принципов употребления доминантной лексемы.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; DECL — изъявительное наклонение; NOM — номинатив ;
PRS — настоящее время; PTCP — причастие.

Литература

Баранов и др. 1993 — А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовски и Партнеры, 1993.

Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.

Булыгина 1983 — Т. В. Булыгина. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // М. В. Ляпон, Н. Ю. Шведова (ред.). Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М.: Наука, 1983. С. 20–39.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. Изд. 2-е, 2010.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2011.

Comrie 1985 — B. Comrie. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Doke 1930 — C. M. Doke. Textbook of Zulu grammar. Cape Town: Maskew Miller Longman, 1930.

Ellis 1994 — R. Ellis. The study of second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Eriksen et al. 2012 — P. Eriksen, S. Kittilä, L. Kolehmainen. Weather and language // Language and Linguistics Compass. 2012. Vol. 6. Iss. 6. P. 383–402.

Granger 2017 — S. Granger. Learner Corpora in Foreign Language Education // S. Thorne, S. May (eds.). Language, Education and Technology. Encyclopedia of Language and Education (3rd ed.). Cham: Springer, 2017.

Heine 1994 — B. Heine. On the genesis of aspect in African languages: The proximative. Paper presented at the annual meeting of Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1994.

König 1993 — C. König. Aspekt im Maa [AMO, Afrikanistische Monographien 3]. Köln: Universität zu Köln, 1993.

Kuteva 1998 — T. Kuteva. On identifying an evasive gram: action narrowly averted // Studies in Language. 1998. Vol. 22. № 1. P. 113–160.

Kuteva 2009 — T. Kuteva. Grammatical categories and linguistic theory: elaborateness in grammar // P. K. Austin, O. Bond, M. Charette, D. Nathan, P. Sells (eds.). Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2. London: SOAS, 2009. URL: www.hrep.org/eprints/ldlt2_03.pdf (дата обращения 10.08.2019)

Lado 1957 — R. Lado. Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957.

Levin, Krejci 2019 — B. Levin, B. Krejci. Talking about the weather: Two construals of precipitation events in English // Glossa: A Journal of General Linguistics. 2019. Vol. 4. Iss. 1.

Pesetsky 1995 — D. Pesetsky. *Zero Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Rizzi 1990 — L. Rizzi. *Relativized Minimality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

Selinker 1972 — L. Selinker. *Interlanguage* // *IRAL — International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1972. Vol. 10. Iss. 3. P. 209–231.

Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems*. Cambridge MA: MIT Press, 2000.

Ziegeler 2000 — D. Ziegeler. What almost can reveal about counterfactual inferences // *Journal of Pragmatics*. 2000. Vol. 32. P. 1743–1776.

Ziegeler 2010 — D. Ziegeler. Running the gauntlet on the approximatives debate: A response to recent challenges // *Journal of Pragmatics*. 2010. Vol. 42. P. 681–704.

References

Baranov et al. 1993 — A. N. Baranov, V. A. Plungian, E. V. Rakhilina. *Putevoditel po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A Handbook of Discursive Words in the Russian Language]. Moscow: Pomovsky i Partnery, 1993.

Bulygina 1982 — T. V. Bulygina. *K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke* [Towards a Typology of Predicates in the Russian Language]. O. N. Seliverstova (ed.). *Semanticheskie tipy predikatov*. [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka, 1982. P. 7–85.

Bulygina 1983 — T. V. Bulygina. *Klassy predikatov i aspektualnaya kharakteristika vyskazyvaniya*. M.V. Lyapon, N.Yu. Shvedova (eds.). *Aspektualnye i temporalnye znacheniya v slavyanskikh yazykakh* [Classes of Predicates and Aspectual Characteristics of Clauses. Aspectual and Temporal Meanings in Slavic Languages]. Moscow: Nauka, 1983. P. 20–39.

Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Doke 1930 — C. M. Doke. *Textbook of Zulu grammar*. Cape Town: Maskew Miller Longman, 1930.

Ellis 1994 — R. Ellis. *The study of second language acquisition*. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Eriksen et al. 2012 — P. Eriksen, S. Kittilä, L. Kolehmainen. *Weather and language. Language and Linguistics Compass*. 2012. Vol. 6. Iss. 6. P. 383–402.

Granger 2017 — S. Granger. *Learner Corpora in Foreign Language Education*. S. Thorne, S. May (eds.). *Language, Education and Technology. Encyclopedia of Language and Education* (3rd ed.). Cham: Springer, 2017.

Heine 1994 — B. Heine. On the genesis of aspect in African languages: The proximative. Paper presented at the annual meeting of Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1994.

König 1993 — C. König. *Aspekt im Maa*. [AMO, Afrikanistische Monographien 3]. Köln: Universität zu Köln, 1993.

Kuteva 1998 — T. Kuteva. On identifying an evasive gram: action narrowly averted. *Studies in Language*. 1998. Vol. 22. No 1. P. 113–160.

Kuteva 2009 — T. Kuteva. Grammatical categories and linguistic theory: elaborateness in grammar. P. K. Austin, O. Bond, M. Charette, D. Nathan, P. Sells (eds.).

Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2. London: SOAS, 2009. Available at www.hrepl.org/eprints/ldlt2_03.pdf (accessed on 08.10.2019).

Lado 1957 — R. Lado. *Linguistics across cultures: Applied linguistics for language teachers*. University of Michigan Press: Ann Arbor, 1957.

Levin, Krejci 2019 — B. Levin, B. Krejci. Talking about the weather: Two construals of precipitation events in English. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2019. Vol. 4. Iss. 1.

Paducheva 1996 — E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniya. *Semantika vremen i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Studies in Semantics. Semantics of Tense and Aspect in Russian. Semantics of Narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 1996. 2nd Edition, 2010.

Pesetsky 1995 — D. Pesetsky. *Zero Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Plungyan 2001 — V. A. Plungyan. Antirezultativ: do i posle rezultata. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. 1st Edition: *Glagolnye kategorii* [Antiresultative: before and after the result. Studies in Grammar Theory. Verbal categories]. Moscow: Russkie slovari, 2001. P. 50–88.

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku* [Introduction to Grammatical Semantics]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011.

Rizzi 1990 — L. Rizzi. *Relativized Minimality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

Selinker 1972 — L. Selinker. *Interlanguage. IRAL — International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1972. Vol. 10. Iss. 3. P. 209–231.

Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems*. Cambridge MA: MIT Press, 2000.

Ziegeler 2000 — D. Ziegeler. What almost can reveal about counterfactual inferences. *Journal of Pragmatics*. 2000. Vol. 32. P. 1743–1776.

Ziegeler 2010 — D. Ziegeler. Running the gauntlet on the approximatives debate: A response to recent challenges. *Journal of Pragmatics*. 2010. Vol. 42. P. 681–704.